

На правах рукописи

Ноздрина Инна Александровна

**Калмыцкое ханство в системе международных отношений
в Центральной Азии в XVIII веке**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2007

Работа выполнена на кафедре востоковедения ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Моисеев Владимир Анисимович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Дацышен Владимир Григорьевич

кандидат исторических наук, доцент
Троицкий Евгений Флорентьевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Барнаулский государственный педагогический университет»

Защита состоится 30 ноября 2007 г. в ___ часов на заседании Диссертационного совета Д 212.267.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Автореферат разослан « » октября 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого и всестороннего изучения роли Калмыцкого ханства в мультиполярной системе международных отношений в Центральной Азии (Россия – цинский Китай – Джунгарское ханство) в первой половине XVIII в., с одной стороны, и освещения места калмыцкого фактора в биполярной системе международных отношений в центральноазиатском регионе (Россия – Китай) во второй половине XVIII века, с другой.

Без всестороннего исследования всех факторов, влиявших на взаимоотношения в треугольнике Россия – Джунгария – Китай, невозможно объективно осветить историю международных отношений в Центральной Азии в первой половине XVIII века. Характер и состояние взаимоотношений между Калмыцким ханством и Джунгарией, Калмыцким ханством и Цинской империей оказывали значительное воздействие на политический климат в центральноазиатском регионе, на внешнюю и внутреннюю политику России в первой половине XVIII века.

После уничтожения Цинами Джунгарского ханства мультиполярная система международных отношений в Центральной Азии трансформировалась в биполярную. Гибель Джунгарии нарушила равновесие общеойратской политической системы, поставила проблему наследования ойратской государственной традиции в очаге ее возникновения. Преемником Джунгарского ханства могло выступить Калмыцкое ханство. Воссоздание калмыками ойратской государственности в Центральной Азии входило в противоречие с интересами цинского Китая в данном регионе.

Обращение к указанной проблеме обусловлено не только научным интересом к изучению истории международных отношений в Центральной Азии в XVIII веке, но и ее весьма актуальным политическим звучанием. В 2005 г. президент Калмыцкой республики К. Илюмжинов выступил с национальным проектом, направленным на объединение всего калмыцкого народа. Президент предложил преодолеть исторический раскол калмыцкого народа, происшедший в

1771 г. в результате откочевки части калмыков в Цинскую империю, путем интеграции китайских калмыков, проживающих в СУАР КНР, с волжскими. Реализовать свой план К. Илюмжинов планирует в рамках осуществления федерального проекта «По оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Таким образом, калмыцкий фактор во внешней политике Российской Федерации и Китайской Народной Республики в современности получил новое развитие. В связи с предстоящим столь важным политическим событием не только для Республики Калмыкия, но и для России и Китая в целом, весьма актуально обратиться к истории и посмотреть, почему волжские калмыки и принятые под протекцию России в 50–60-е гг. XVIII в. джунгары оказались в цинском подданстве, и каким образом решался вопрос об их возвращении в Россию в последней трети XVIII в.

Степень изученности темы. В отечественной историографии политические отношения, носившие двусторонний или многосторонний характер в рамках четырехугольника Россия – Джунгария – Калмыцкое ханство – цинский Китай в XVIII в., неоднократно затрагивались в работах как дореволюционных, так советских и российских ученых.

История джунгар и, главным образом, калмыков привлекла внимание русских исследователей уже XVIII в. (П.И. Рычков, С.Г. Гмелин, И. Лепехин, П.С. Паллас, В.Н. Татищев, И.Г. Георги). Особое место в историографии занимают работа В.М. Бакунина¹, в которой автор показал связи Калмыцкого ханства с Джунгарией и цинским Китаем в первой трети XVIII в., и исследование Н.П. Рычкова², принимавшего участие в преследовании калмыков в 1771 г.

Систематизированные зарисовки истории международных отношений в Центральной Азии в XVIII в. появляются в XIX в. С. Липовцев на китайских материалах написал историю Джунгарского ханства, уделив значительное внимание джунгаро-цинским отношениям³. Н.Я. Бичуриным была предпринята попытка дать первое систематическое изложение истории калмыков, включая ис-

¹ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995.

² Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи, 1771 г. СПб., 1772.

торию ойратов. Ученый обратил внимание на то, что калмыки со времени прихода в Россию не прерывали отношений не только с Джунгарией, но и с Китаем и Тибетом⁴. Ф.А. Бюлер полагал, что характер отношений между калмыцкими тайшами и русскими властями зависел от состояния джунгаро-калмыцких отношений⁵.

Взаимоотношения калмыков с прибывавшими на Волгу в течение XVII–XVIII вв. джунгарами были рассмотрены К.И. Костенковым. По его мнению, калмыцкие правители проводили целенаправленную политику на увеличение числа подвластного им народа переселенцами из Джунгарии, которые подчинялись им на вассальных правах⁶.

Сибирский историк С.С. Шашков сосредоточил внимание на приеме в российское подданство ойратов разгромленной в конце 50-х гг. XVIII в. Цинами Джунгарии и переселении их на Волгу⁷.

Проблема бегства калмыков из Китая в Россию, начиная с 1772 г., была поставлена в работе М.Г. Новолетова. Основными факторами, помешавшими обратной массовой откочевке калмыков на Волгу, по его мнению, явились жестокость китайцев, казнивших беглецов, и трудный переход через казахские кочевья⁸.

Известный монголовед А.М. Позднеев отмечал, что, несмотря на огромные расстояния, отделявшие калмыков от джунгар, они находились между собой в самых тесных родственных и политических связях. Калмыки в борьбе с русскими властями за политическую самостоятельность предпринимали попытки привлечь на свою сторону джунгар⁹.

Обстоятельства визита цинского посольства в Калмыцкое ханство в 1714 г. проанализированы А.А. Ивановским. Автор пришел к выводу, что послы сдела-

³ Липовцев С. Обзорение Зюнгариин // Сибирский вестник. Ч. XIII–XV. СПб., 1821.

⁴ Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991.

⁵ Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт. Т. XLVII. Отд. II. СПб., 1946.

⁶ Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870.

⁷ Шашков С.С. Рабство в Сибири // Дело. 1869. № 3. С. 1–32.

⁸ Новолетов Г.М. Калмыки. Исторический очерк. СПб., 1884.

⁹ Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // ЖМНП. 1886. Ч. 244, март, отд. 2.

ли предложение хану Аюке от имени императора Канси возвратиться в Джунгарию «с дружбою к Китаю»¹⁰.

Первый представитель национальной калмыцкой историографии Е. Чонов считал, что Калмыцкое ханство лишь юридически признавало протекторат России потому, что калмыцкие ханы принимали ханское достоинство от далай-ламы и вели дипломатические сношения с Востоком и Западом¹¹.

Политика Цинов в Синьцзяне, где были расселены бежавшие с Волги в 1771 г. и принятые в китайское подданство калмыки, стала предметом исследования Б.В. Долбежева¹².

Тесную связь калмыков с Джунгарией и отчуждение ко всему русскому, стремление к политической независимости подчеркивал архимандрит Гурий. Откочевка калмыков в Китай в 1771 г. расценивается архимандритом как логическое завершение истории русско-калмыцких отношений¹³.

Итогом развития дореволюционной историографии Калмыкии являются труды Н.Н. Пальмова¹⁴, хотя основные из них и написаны в советское время. Ученый реконструировал историю джунгаро-калмыцких отношений, показал роль калмыков в планах цинской дипломатии по усмирению джунгар; осветил позицию русских властей на джунгаро-калмыцкие и китайско-калмыцкие отношения в XVIII в. на материалах Астраханского архива.

Обширную и разноплановую литературу советского и российского периодов можно разделить тематически и дать характеристику по проблемно-хронологическому принципу. Нами условно выделены три основных группы исследований:

¹⁰ Ивановский А.А. Монголо-торгоуты // Труды антропологического отдела общества любителей естествознания. Вып. 3. М., 1893. С. 4.

¹¹ Чонов Е. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 г. Пятигорск, 1912.

¹² Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги. Карашарское ханство // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 86. СПб., 1913. С. 2–18.

¹³ Архимандрит Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1. Калмыки. Казань, 1915.

¹⁴ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII века. Ч. 1–5. Астрахань, 1926–1932; он же. Очерки по истории калмыцкого народа за время пребывания в пределах России. Астрахань, 1922.

1. Работы, затрагивающие проблему политического и правового положения Калмыцкого ханства в составе Российской империи и международного статуса Джунгарии.

2. Труды, в которых рассматриваются и анализируются различные аспекты отношений в рамках четырехугольника Россия – Джунгария – Калмыцкое ханство – цинский Китай.

3. Исследования, характеризующие международно-политическую обстановку в Центральной Азии в XVIII в.

В советской историографии значительное внимание уделялось проблеме образования Калмыцкого ханства, которая нашла освещение в трудах М.Л. Кичикова, П.С. Преображенской, Т.И. Беликова, Н.В. Устюгова, У.Э. Эрдниева. В 1990–2000-х годах тема получила развитие в работах А.Г. Авляева, М.М. Батмаева, К.Н. Максимова, А.В. Цюрюмова.

И.Я. Златкин, Б.П. Гуревич и В.А. Моисеев убедительно обосновали несостоятельность притязаний китайских ученых на Джунгарию как часть Цинской империи и доказали, что Джунгария являлась независимым субъектом международных отношений в Центральной Азии.

Политика русского правительства по ограничению внешнеполитических связей Калмыцкого ханства с Джунгарией и цинским Китаем рассматривается в работах А.В. Цюрюмова. В.А. Моисеев, О.А. Глушкова раскрыли военно-стратегические цели, которые были поставлены перед вторым цинским посольством в Калмыцкое ханство (1729–1731 гг.).

Всестороннее изучение в отечественной историографии получила проблема разгрома Джунгарского ханства Цинской империей: исследовались мотивы агрессии Цинов в Центральной Азии, их методы и тактика (Л.И. Думан, В.А. Моисеев, Д.В. Дубровская, А. Ходжаев, К.Ш. Хафизова, Б.П. Гуревич).

Проблема приема в российское подданство джунгар и, главным образом, алтайцев также получили освещение в отечественной историографии. Доминирующей является точка зрения о добровольности принятия массой алтайцев русского подданства и прогрессивном значении этого исторического события в

жизни алтайского народа. Данная позиция отражена в работах Л.П. Потапова, П.Е. Тадыева, В.А. Моисеева, Н.С. Модорова, Г.П. Самаева.

Бегство калмыков в Джунгарию в 1771 г. является одной из наиболее разработанных тем в отечественной историографии. К ней обращались И.А. Чернышев, Ш.Б. Чимитдоржиев, М.М. Батмаев, А.Б. Насунов, А.В. Цюрюмов, И.В. Вишнякова, В.И. Колесник, Е.В. Дорджиева.

В.С. Кузнецов отметил, что откочевка волжских калмыков в китайские пределы послужила толчком к ухудшению русско-китайских отношений в начале 70-х гг. XVIII в. Пекинские власти не только не имели намерения возвратить в Россию ее подданных, но и предпринимали попытки склонить в свое подданство оставшихся на Волге калмыков. Таким образом, Цины вплоть до начала 90-х гг. XVIII в. опасались «русского вторжения»¹⁵.

Предметом специального исследования историков стала политика династии Цин в отношении принятых в ее подданство калмыков и общественно-административное устройство ойратов в составе империи Цин. Значительный вклад в разработку этой темы внесли А.И. Чернышев, В.П. Санчилов, А. Ходжаев.

Известный монголовед Ш.Б. Чимитдоржиев ввел в научный оборот архивные документы, освещающие меры, предпринятые русскими властями в 90-х гг. XVIII в. по возвращению в Россию калмыков, бежавших в Китай¹⁶.

В отечественной историографии имеется целый ряд исследований крупнейших китаеведов, которые не имеют непосредственного отношения к рассматриваемой проблеме, однако, они внесли весомый вклад в изучение общей политической ситуации в исследуемом регионе. Здесь, прежде всего, необходимо отметить работы В.С. Мясникова, С.Л. Тихвинского, Г.В. Мелихова, В.А. Александрова, И.С. Ерманченко.

История международных отношений в Центральной Азии в XVIII в. в историографии КНР исследуется с позиций концепции «единой китайской на-

¹⁵ Кузнецов В.С. Отношения империи Цин с западными соседями (вторая половина XVIII в.). М., 1973. С. 155–158.

¹⁶ Чимитдоржиев Ш.Б. О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII–XVIII вв. «Торгутский побег» 1771 г. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989. С. 62–66.

ции». Русско-джунгарские отношения историки КНР рассматривают через призму «агрессивного характера» внешней политики России в отношении китайской Джунгарии. Все столкновения и вооруженные конфликты между Россией и Джунгарским ханством оцениваются как борьба ойратов за «независимость» в рамках «единого многонационального государства». Характер же взаимоотношений между Джунгарией и Цинской империей китайскими историками замалчивается либо искажается. Учиненную цинскими войсками резню в Джунгарии историки КНР называют «усмирением», «внутренним делом Китая», а бегство калмыков в Китай в 1771 г. расценивают исключительно как «возвращение торгоутов в лоно родины»¹⁷.

Таким образом, в отечественной историографии и историографии КНР фактически отсутствуют работы по истории политических отношений между Джунгарией и Калмыцким ханством; не изучен в полной мере калмыцкий фактор во внешней политике Цинской империи в первой половине XVIII в.; слабо рассмотрен вопрос приема в российское подданство джунгар. В конце 1980-х гг. Ш.Б. Чимитдоржиевым была лишь обозначена проблема «ойратского вопроса» в русско-китайских отношениях в 70–90-х гг. XVIII в.

Цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть роль и место Калмыцкого ханства в системе международных отношений в Центральной Азии в XVIII веке.

Задачи исследования:

1. Реконструировать картину взаимоотношений Калмыцкого и Джунгарского ханств в первой половине XVIII в.
2. Показать роль калмыцкого фактора во внешнеполитической стратегии Цинской империи в Центральной Азии в первой трети XVIII в.

¹⁷ Ша Э циньлюе Чжунго сибэй бяньцзян ши (История агрессия царской России на северо-западных рубежах Китая). Пекин, 1979; Синьцзян цзяньши (Краткая история Синьцзяна). В. 3-х тт. Урумчи, 1997; Синьцзян дицзюй юй Цзуго нэйди (Синьцзян и внутренние районы Родины). Пекин, 1980; Чжуньгаэр шилуе (Очерки истории джунгар). Пекин, 1985; Ма Жухэн, Ма Дачжен. Баше шу уденьли исинь ли (Брести тысячи ли, всей душой стремиться к родине) // Гуанмин жибай. П.IV.1980; Синьцзян дифан ши (История Синьцзянского района). Урумчи, 1991; Тянь Вэйцзян. Синьцзян ши (История Синьцзяна). Пекин, 2001 и др.

3. Проанализировать позицию российского правительства в отношении политики цинского Китая и Джунгарии к Калмыцкому ханству в первой половине XVIII в.

4. Осветить проблемы приема в российское подданство джунгар и их переселения в Калмыцкое ханство в 50–60-х гг. XVIII в.

5. Показать узловые моменты бегства калмыков в Джунгарию в 1771 г. и попытки русского правительства вернуть их в Россию.

6. Исследовать состояние калмыцкого вопроса в русско-китайских отношениях в 70–90-х гг. XVIII в.

Объект исследования – международные отношения в Центральной Азии в XVIII веке.

Предмет исследования – роль и место Калмыцкого ханства в международных отношениях в Центральной Азии в XVIII веке.

Территориальные границы охватывают современные Республику Калмыкия, Астраханскую, Самарскую, Саратовскую, Волгоградскую, Оренбургскую области РФ, юго-западные области Сибири, СУАР КНР, Республику Казахстан.

Хронологические рамки охватывают XVIII век. В начале XVIII в. Калмыцкое ханство появляется на центральноазиатской арене как самостоятельный субъект международных отношений и устанавливает политические отношения с цинским Китаем. Указом императрицы Екатерины II от 19 октября 1771 г. Калмыцкое ханство было ликвидировано, в 90-х гг. XVIII в. российское правительство прекратило настоятельно добиваться возвращения ушедших в Китай калмыков.

Методологической основой является концепция динамической стабильности, разработанная А.Д. Богатуровым и К.В. Плешаковым.

Исходным тезисом концепции настоящего исследования стала констатация: в первой половине XVIII в. взаимоотношения между Россией и Джунгарским ханством, Россией и цинским Китаем, несмотря на существовавшие между сторонами противоречия по вопросу об участии калмыков в джунгаро-

цинских войнах, развивались в отсутствии крупного конфликта, а ситуация в Центральной Азии была относительно стабильной. Региональные противоречия между Джунгарским ханством и Цинской империей в первой половине XVIII в., оставаясь неурегулированными и периодически прорываясь на поверхность в виде двусторонних военных конфликтов, позволяют говорить о «стабильной нестабильности» в центральноазиатском регионе, при которой наличие неурегулированных международных проблем не переходит автоматически в обширную региональную войну. В середине XVIII в. в связи с гибелью Джунгарского ханства многополярная система международных отношений в Центральной Азии трансформировалась в биполярную. Отношения между Россией и цинским Китаем, несмотря на противоречия по вопросам приема в подданство ойратов и возвращения откочевавших в Китай калмыков в 1771 г., не вылились в войны, таким образом, вновь образовавшаяся система международных отношений в Центральной Азии пребывала в состоянии стабильной нестабильности.

Источниковая база. Основной корпус источников составили документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Омской области (ГАОО), Государственного архива Оренбургской области (ГАОрО), Центра хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК).

Базовым архивом при написании работы явился АВПРИ. Были исследованы фонды «Зюнгорские дела», «Калмыцкие дела» и «Сношения России с Китаем». Изучение материалов этих фондов позволило восстановить картину взаимоотношений Калмыцкого ханства с Джунгарией и Цинской империей в первой половине XVIII в., изучить проблему приема в российское подданство джунгар, осветить джунгарский вопрос в русско-китайских отношениях в 50–60-х гг. XVIII в.

В работе привлечены материалы фондов «Правительствующий Сенат» и «Калмыцкие дела» РГАДА для раскрытия политических отношений между Калмыцким ханством и цинским Китаем в начале XVIII в.

В фонде «Оренбургская губернская канцелярия» ГАОрО отложились документы по джунгаро-калмыцким отношениям в 1740-х гг. и бегству калмыков в Джунгарию в 1771 г. Материалы фонда Г.Е. Катанаева (ГАОО) позволили осветить меры, предпринятые командующим войсками на сибирских линиях С.С. Станиславским, чтобы удержать в российском подданстве калмыков.

В ЦХАФ АК в фонде профессора В.А. Моисеева находятся копии документов, хранящихся в АВПРИ, РГАДА, ГАОрО и ГАОО, в которых освещены некоторые сюжеты настоящего исследования.

В работе использованы материалы документальных сборников¹⁸ и рукописных фондов. В отделе рукописей Российской государственной библиотеки изучен фонд К.А. Скачкова, а в отделе рукописей Российской национальной библиотеки – фонд «Основное собрание рукописной книги», в котором представлены материалы русского китаевода П.И. Каменского.

Ойратских и калмыцких источников почти не сохранилось. Можно назвать три произведения калмыцкого и ойратского происхождения: «Сказание об ойратах» Габан-Шараба, «Сказание о дербен-ойратах» Батур Убаши Тюменя и «История калмыцких ханов» неизвестного автора¹⁹.

Для реализации задач исследования были привлечены китайские источники²⁰, которые позволили в сравнительном анализе с русскими материалами более полно восстановить картину исследуемой проблемы.

Научная новизна исследования заключается в том, что на базе широкого круга источников показана роль Калмыцкого ханства в системе международных отношений в Центральной Азии в XVIII веке. Всесторонне исследуется законодательная политика российского правительства в отношении принимаемых в русское подданство джунгар и «джунгарский вопрос» в русско-китайских отно-

¹⁸ Архивные материалы на русском языке из бывшего Пекинского императорского дворца. Бэйпин, 1936; Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Ч. 1, 2. М., 1989; Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006 и др.

¹⁹ Тексты опубликованы: Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1069.

²⁰ Записки Тулишэня о его поездке в составе цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712–1715 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. М., 1978; Fu Loshu. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. 1644–1820. Vol. 1–2. Tucson, 1966 и др.

шениях в 50–60-х гг. XVIII в. Особое внимание уделяется политике российского правительства по возвращении в Россию ушедших в 1771 г. с Волги калмыков.

Практическая значимость состоит в том, что материалы и результаты исследования могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории международных отношений в Центральной Азии в XVIII в., при разработке учебных курсов по истории Калмыкии, русско-китайских отношений в XVIII в., а также спецкурсов по истории Джунгарии.

Апробация. Результаты диссертационного исследования апробированы на двух всероссийских, двух международных и трех региональных конференциях. Основные положения работы нашли отражение в 9 научных публикациях.

Структура работы. Диссертация построена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность темы, анализируется степень ее изученности, определены цели и задачи исследования, территориальные и хронологические рамки, характеризуется методологическая основа и источниковая база работы, раскрыта научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования.

В первой главе **«Калмыцкое ханство в центральноазиатской системе международных отношений в первой трети XVIII века»** дана характеристика политической обстановки в Центральной Азии на рубеже XVII–XVIII вв., освещены планы цинской дипломатии в отношении Калмыцкого ханства в начале XVIII в, анализируется характер джунгаро-калмыцких отношений в 20-х гг. XVIII в.

В первом параграфе **«Калмыцкий фактор во внешней политике Цинской империи в начале XVIII века»** раскрыта деятельность первого цинского посольства в Калмыцкое ханство. На рубеже XVII–XVIII вв. большая часть торгоутского субэтноса локализовалась в Нижнем Поволжье и выделилась из

общеиратской этнополитической общности в качестве самостоятельного государственного образования – Калмыцкого ханства. В 1690 г. глава Калмыцкого ханства Аюка получил атрибуты ханского достоинства от далай-ламы. Несмотря на то что государство калмыков складывалось в рамках Российской империи, Калмыцкое ханство в начале XVIII в. являлось фактически независимым государством.

Во второй половине XVII–XVIII в. одним из региональных центров международных отношений была Центральная Азия, главными акторами которой являлись Российская и Цинская империи, а также Джунгарское ханство. Активную внешнюю политику на центральноазиатском театре проводили Джунгария и цинский Китай, отношения которых носили характер политического противоборства, то ослабевавшего, то приобретающего форму открытых военных действий. Конфликтный, доходивший до войн характер взаимоотношений маньчжур и джунгар отвечал интересам Русского государства в Центральной Азии, поскольку активная внешняя политика на Западе не позволяла России иметь значительные воинские соединения в Сибири и военным путем отстаивать свои интересы в регионе. Таким образом, противоборство между Джунгарией и цинским Китаем, ослаблявшее оба государства, и нейтралитет России позволяли центральноазиатской системе международных отношений находиться в состоянии относительной стабильности.

В 1701 г. произошло военное усиление Джунгарии за счет принятых в джунгарское подданство хунтайджи Цэван-Рабданом 15 000 калмыцких кибиток сына хана Аюки Санжипа. Это событие показало цинской дипломатии, что Калмыцкое ханство, располагаясь за пределами Центральной Азии, может оказывать влияние на расстановку сил в регионе. В 1703 г. в Пекине был задержан возвращавшийся из Лхасы племянник Аюки Арабджур под предлогом невозможности проехать в Калмыцкую степь через Джунгарию вследствие неприязненных отношений, возникших между Аюкой и Цэван-Рабданом из-за Санжипа. Умышленная задержка цинскими властями Арабджура вызвала присылку в 1710 г. посольства с берегов Волги.

Разрабатывая стратегический план военных действий против Джунгарии, Цины решили использовать ухудшение джунгаро-калмыцких отношений в интересах Поднебесной: привлечь на свою сторону калмыков – и руками «варваров» обуздать «варваров». Установившиеся в 1710 г. посольские отношения с Калмыцким ханством давали правительству Канси удобную возможность вступить с Аюкой в переговоры по джунгарскому вопросу.

26 мая 1712 г. император Канси издал указ об отправлении на Волгу посольства, которое должно было ехать в ставку калмыцкого хана, не заезжая в Петербург, поскольку во время пребывания в Пекине в 1710 г. калмыцкие послы представляли богдыхану Калмыцкое ханство как независимое государство.

Сопровождавший цинское посольство купец П. Худяков отправил в Тобольск к сибирскому губернатору М.П. Гагарину письмо, в котором сообщал не только об отправлении из Китая в Калмыцкое ханство посольства, но и о том, что посольство ехало к Аюке, чтобы склонить его к военному союзу с Китаем против Джунгарии. Сибирский губернатор уведомил Сенат о цинском посольстве, его цели, отметив, что завоевание Джунгарии Цинами создаст угрозу сибирским владениям России, а без помощи калмыков покорить ханство они не смогут.

Сенат, рассмотрев донесение М.П. Гагарина, 26 ноября 1712 г. вынес приговор о пропуске цинских послов к хану Аюке. Сибирскому и астраханскому губернаторам было предписано всячески отклонять калмыцкого хана от военных действий против Джунгарии.

1 июля 1714 г. цинские послы прибыли в калмыцкие кочевья. Первоначально они пытались представить Аюке цель своего приезда как вопрос о возвращении Арабджура, позднее – потребовали, чтобы он объявил войну хунтайджи. На прощальном приеме Аюка дал уклончивый ответ цинским послам. Он вверил судьбу Арабджура воле богдыхана, отметил этническую близость маньчжур и калмыков и, наконец, выразил надежду на продолжение посольских связей между двумя государствами.

Таким образом, цинским послам не удалось добиться от калмыцкого хана согласия вступить в войну против Джунгарского ханства, так как в Пекине во время разработки стратегического плана военных действий против Джунгарии не были учтены два важных обстоятельства. Во-первых, родственные отношения, которые связывали правителей Джунгарского и Калмыцкого ханств; во-вторых, рассматривая Российскую империю лишь как государство, находившееся «смежно» с Калмыцким ханством, как транзитную территорию из Китая на Волгу, цинские чиновники не приняли во внимание позицию царского правительства по джунгарскому вопросу. Но миссию цинского посольства нельзя считать полностью неудачной для Поднебесной: Аюка дал понять, что благожелательно относится к Срединной империи и не против впредь поддерживать с ней дипломатические отношения.

Второй параграф **«Взаимоотношения Джунгарского и Калмыцкого ханств в 20-е гг. XVIII в. и позиция России»** посвящен периоду, когда происходит смена политического курса Калмыцкого ханства с китайского направления в сторону Джунгарии.

В 1718 г. из Тибета в Калмыцкое ханство возвратился Шакур-лама, который объявил повеление далай-ламы, чтобы калмыки ушли из-под протекции России и откочевали к «однозаконному» хану. Хан Аюка, его жена-джунгарка Дарма-Бала и Шакур-лама приняли решение откочевать в Джунгарию.

До 1723 г. в джунгаро-калмыцких отношениях вопросы, связанные с подготовкой к откочевке калмыков в Джунгарию, не затрагивались. Цэван-Рабдану в то время было не до калмыцкого вектора внешней политики: в 1715 г. Канси разработал план подчинения джунгар Китаю, а в 1717 г. цинские войска вторглись в Джунгарию, затем последовали джунгаро-цинские конфликты в Тибете. Военные действия прекратились в 1722 г. в связи со смертью богдыхана. Калмыки не спешили выполнять повеление далай-ламы потому, что, как показал опыт Санжица, возвращение на историческую родину неминуемо влекло за собой их интеграцию в Джунгарское ханство путем утраты политического суверенитета. Русско-калмыцкие же отношения развивались как отношения двух

политических партнеров. Ситуация изменилась после смерти в феврале 1724 г. хана Аюки, когда Калмыцкое ханство оказалось в тяжелом внутривнутриполитическом кризисе, вызванном борьбой за ханский престол. В это время российским правительством была введена должность наместника ханства, которая хотя реально и не ограничила суверенитет калмыцкого правителя, но отчетливо выявила угрозу такого ограничения в перспективе.

В 1723 г. в Калмыцкое ханство втайне от русских властей через казахские степи прибыл джунгарский посланец Есей сосватать дочь Цэван-Рабдана за наместника Церен-Дондука. Однако сватовство служило лишь ширмой, за которой скрывалась секретная миссия Есея, заключающаяся в том, чтобы сообщить хану Аюке, что летом 1724 г. джунгарские войска подойдут к Яику для встречи калмыков. В сентябре 1724 г. в калмыцкие улусы с разрешения русских властей приехали джунгарские послы Илжа, Данбу и Чита, сообщившие Дарма-Бале, что весной 1725 г. к реке Яик придут войска Цэван-Рабдана, а летом 1724 г. хунтайджи не пришел за калмыками из-за войны с казахами.

В сентябре 1724 г. ханша Дарма-Бала тайно через казахские степи отправила Есея обратно в Джунгарию, а с ним и своего посла Еке Абугая, который должен был сосватать дочь Цэван-Рабдана за наместника Церен-Дондука и попросить протекции у джунгарского хунтайджи. Однако изменения в политической ситуации в Центральной Азии (в 1721 г. цинские войска захватили Тибет и поставили во главе ламаистской церкви прокитайски настроенного далай-ламу), опасения части калмыцкой знати потерять политический суверенитет и деятельность астраханского губернатора сорвали план ханши по возвращению в Джунгарию.

13 декабря 1727 г. в Тобольск прибыл посол хунтайджи Галдан-Цэрена Боджир, с которым приехал и калмыцкий посланец Еке Абугай. В листе, адресованном сибирскому губернатору М.В. Долгорукову, Галдан-Цэрэн обвинял в смерти его отца, Цэван-Рабдана, калмыцкое посольство, прибывшее в Джунгарию, вероятно, осенью 1727 г. Таким образом, гибель Цэван-Рабдана и прича-

стность к ней калмыцких владельцев прервали больше чем на десятилетие джунгаро-калмыцкие отношения.

Во второй главе **«Калмыцкий вектор во внешней политике Цинской империи и Джунгарского ханства (30–40-е гг. XVIII в.)** анализируется политика джунгарской и цинской дипломатий по созданию военно-политического союза с Калмыцким ханством.

В первом параграфе **«Джунгаро-цинская война 1729–1733 гг. и попытки Китая заключить военный союз с волжскими калмыками»** исследуются методы и тактика цинского правительства, используемые для втягивания калмыков в войну с Джунгарией.

Летом 1729 г. в Российскую империю из Китая были отправлены два цинских посольства: одно – в Москву, а другое – в Калмыцкое ханство. 14 января 1731 г. посольства прибыли в Москву. Цинские послы от имени императора Юнчжэна предложили царскому правительству оказать поддержку Китаю в джунгаро-цинской войне, обещая разделить территорию Джунгарского ханства между двумя государствами, и просили отправить их в Калмыцкое ханство. Ответив отказом на предложение богдыхана, русские власти разрешили четырем послам ехать на Волгу.

В июне 1731 г. цинское посольство прибыло в Калмыцкое ханство. Послы во время встреч с калмыцкой знатью, зная о желании последней возвратить на Волгу калмыков, ушедших в 1701 г. с Санжипом в Джунгарию, а также о стремлении открыть прямой и короткий путь с Волги в Тибет через земли казахов и джунгар, пытались склонить их к совместному выступлению с войсками Цинской империи против Галдан-Цэрена. Однако, следуя рекомендации русских властей, калмыцкий хан отказался послать свои войска против Джунгарии.

Особое внимание послы обратили на опального сына Цэван-Рабдана Лоузан-Шоно. Они предлагали ему поехать в Китай и принять цинское подданство, обещали возвратить улусы его отца, Цэван-Рабдана, рассчитывая на то, что, с одной стороны, возвращение Лоузан-Шоно в Джунгарию привело бы к внутренней борьбе в ханстве, что, несомненно, было выгодно Цинской империи, так

как междоусобица ослабила бы силы Галдан-Цэрена, а с другой, – Лоузан-Шоно будет проводить выгодную для Китая политику Джунгарии. Калмыцкий владелец, выразив желание ехать в Цинскую империю, однако, отметил, что полагается на волю русской императрицы.

В октябре 1731 г. в Кяхту из Пекина прибыли калмыцкий лама Цой-Гецули с калмыками и цинское посольство. Цой-Гецули потребовал от иркутского вице-губернатора А.И. Жолобова, чтобы его с цинскими послами препроводили в Калмыцкое ханство. Калмыки были отправлены в Тобольск, затем в Верхотурье и Царицын, а цинские послы были задержаны на границе. Российское правительство отказалось пропустить посольство в Калмыцкое ханство, ссылаясь на русско-китайский Кяхтинский договор, в котором нет статьи, разрешающей «х калмыком ходить китайским послам».

Присутствие калмыков в составе цинского посольства не было случайным. В 1728 г. калмыцкий наместник Церен-Дондук просил у царского правительства разрешения отправиться к далай-ламе, чтобы поминать хана Аюку. Коллегия иностранных дел не разрешила Церен-Дондуку самому ехать, но позволила отправить посольство в Тибет. Своих посланников в Лхасу снарядили наместник Церен-Дондук, его брат Галдан-Данжин, ханша Дарма-Бала, владелец Доржи Назаров и Шакур-лама. В марте 1731 г. посольство, возглавляемое Намки-Геленем и Цой-Гецулем, находилось в Селенгинске, откуда должно было ехать в Тибет. Однако вместо Лхасы оно поехало в Пекин, где состоялась аудиенция с богдыханом Юнчжэном. Во время аудиенции китайские министры сделали предложение калмыцким послам выступить объединенными войсками против Джунгарии. Делая такое предложение, китайские власти были уверены в успехе, так как, во-первых, Намки-Гелень и Цой-Гецули представили Калмыцкое ханство независимым государством, во-вторых, им было передано письмо Доржи Назарова, в котором владелец предлагал императору приготовить степной путь.

Калмыцкое посольство, возглавляемое Намки-Гелень, продолжило путь в Тибет, а Цой-Гецули и цинское посольство отправились в Калмыцкое ханство,

чтобы передать Дорже Назарову указ богдыхана о склонении Церен-Дондука к войне с джунгарами. В свою очередь, Юнчжэн обещал калмыкам открыть прямой степной путь к далай-ламе.

Посольство Намки-Геленя, возвратившись от далай-ламы в Пекин, было посажено под караул. За время отсутствия калмыков в столице Поднебесной в Лифаньюане был получен лист из Коллегии иностранных дел, официально уведомивший цинское правительство о российском подданстве калмыков. Таким образом, политика лавирования политических кругов Калмыцкого ханства – признавая российское подданство перед русскими властями, они в то же время представляли свое государство независимым субъектом международных отношений в переговорах с пекинским двором – в конечном итоге привела к разрыву политических отношений между Калмыцким ханством и Цинской империей.

Деятельность Галдан-Цэрена, направленная на восстановление отношений с Калмыцким ханством и перевод калмыков в Джунгарию, раскрыта во втором параграфе **«Калмыцкая политика Галдан-Цэрена в первой половине 40-х гг. XVIII в. и позиция России»**.

Галдан-Цэрен после окончания джунгаро-цинской войны 1729–1733 гг. стал искать для борьбы с Китаем союзников. В июле 1741 г. в Оренбург прибыли джунгарские послы с просьбой пропустить знатного калмыка Донрюнга к наместнику Калмыцкого ханства. Оренбургская комиссия, следуя указу Коллегии иностранных дел от 17 августа 1741 г., отправила джунгарских посланников в Санкт-Петербург. 9 января 1742 г. вопрос о джунгарских посланниках был рассмотрен Коллегией иностранных дел. В Коллегии, не желая осложнять отношений с Галдан-Цэреном, приняли решение отправить джунгарских посланников к тайному советнику В.Н. Татищеву в Астрахань. В.Н. Татищев же должен был отослать их к наместнику ханства Дондук-Даше. Дондук-Даши, опасаясь того, что джунгары, разведав, что «калмыцкой народ пришел в убожество», нападут на калмыцкие улусы, только под давлением астраханской администрации согласился встретиться с джунгарским послом. 8 марта 1742 г. неда-

леко от Астрахани состоялась встреча Дондук-Даши с М. Соломовым, который возглавил джунгарское посольство после смерти Донрюнга 1 сентября 1741 г.

Прием, оказанный калмыцким наместником М. Соломову, не только не способствовал возобновлению родственных отношений между калмыками и джунгарами, прерванных в конце 20-х гг. XVIII в., но и не оправдал надежд, возлагаемых Галдан-Цэреном на Дондук-Даши в переводе калмыков в Джунгарию, поэтому джунгарский правитель, не отказываясь от мысли воссоединить под своей эгидой монгольский мир, сменил тактику и направил дипломатическую активность в сторону ханши Дарма-Балы, неоднократно предпринимавшей попытки увести свой народ на историческую родину.

Астраханской и оренбургской администрациям в 1743 г. неоднократно поступали сведения, что ханша Дарма-Бала вела переписку с Галдан-Цэреном по вопросу о возвращении калмыков в Джунгарию. В 1744 г. оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву стало известно, что Галдан-Цэрен вел переговоры с казахами о пропуске калмыков в Джунгарию через их земли. В дальнейшем казахский фактор в планах хунтайджи подтвердился. В мае 1745 г. были задержаны на Яике татарин Джексембет и тогмут Узенбай, подданные султана Аблая и хана Абулхаира соответственно, которые должны были передать ханше Дарма-Бале письма от ее брата Гоманг-ламы и племянника Сентеня и склонить к уходу в Джунгарию.

В то время, когда в Коллегии иностранных дел были получены сведения о Джексембете и Узенбае, в Москве находилось джунгарское посольство, которое возглавлял Лама-Даши. Официальное джунгарское посольство не признало факт подстрекательства калмыков к уходу в Джунгарию со стороны Галдан-Цэрена. В сентябре 1745 г. джунгарский правитель умер, и вопрос о калмыках больше не поднимался ни русской, ни джунгарской дипломатиями.

В третьей главе **«Завоевание Цинской империей Джунгарии и «ойратский вопрос» в русско-китайских отношениях в 50–90-х гг. XVIII в.»** рассматриваются вопросы приема в российское подданство джунгар в 50–60-е гг.

XVIII в., откочевка калмыков в Китай в 1771 г. и вопрос о волжских калмыках в русско-китайских отношениях в последней трети XVIII в.

В первом параграфе **«Завоевание цинским Китаем Джунгарии и проблема ойратских беженцев в русско-китайских отношениях в 50–60-е гг. XVIII в.»** подчеркивается, что в конце 1750-х гг. Джунгария из самостоятельного субъекта международных отношений в Центральной Азии превратилась в объект политики России и цинского Китая, которые манипулировали джунгарским населением, решая вопрос перераспределения сил в Центральной Азии.

Проблема подданства населения разгромленной Джунгарии стала одной из ключевых во взаимоотношениях Российской и Цинской империй. Правовая база для решения «ойратского вопроса» в русско-китайских отношениях была заложена в конце 20 – начале 30-х годов XVIII в. В 1727 г. был подписан русско-китайский Кяхтинский договор, определивший, что выдачи подлежат лишь те перебежчики, которые состояли в действительном подданстве одной из сторон. В 1731 г. во время пребывания в Москве цинского посольства посол Асхани Амба Тоши по указу богдыхана Юнчжэна предложил русским властям в случае войны между цинским Китаем и Джунгарией принимать в подданство выбегавших к пограничным рубежам джунгар, выдаче подлежали лишь джунгарские владельцы.

Указами Коллегии иностранных дел от 27 января и 2 мая 1756 г. сибирским властям было разрешено принимать в российское подданство джунгар. В конце 1756 г. в Сенате были получен лист из Лифаньюаня о принятии джунгар в китайское подданство. Объявление джунгар подданными Поднебесной юридически, согласно статье о перебежчиках Кяхтинского договора, воспрещало отныне принимать их в подданство. Сенат в ответной грамоте от 20 мая 1757 г. потребовал от Лифаньюаня выдать в Россию калмыков Санжипа, в противном случае не препятствовать приему выходивших к русским крепостям джунгар в российское подданство.

17 сентября 1757 г. и 31 марта 1762 г. последовали указы Коллегии иностранных дел сибирскому губернатору, предписывавшие склонять под протекцию русской императрицы джунгар.

В Коллегию иностранных дел поступили проекты расселения джунгар в России от оренбургского губернатора И.И. Неплюева, командующего войсками на Колывано-Воскресенской линии Ф.И. Дегарриги. Свои предложения и замечания представили сибирский губернатор В.А. Мятлев, командующий войсками в Сибири И.И. Крафт. Отвечающим интересам Российской империи был признан проект поселения джунгар на Волге вместе с калмыками. Однако российское правительство, не приняв во внимание то обстоятельство, что джунгары будут стремиться возвратиться на этническую родину, чтобы восстановить утраченный суверенитет, совершило политический просчет, компактно расселив джунгар и сохранив за джунгарскими нойонами власть над улусами. Таким образом, принятые в российское подданство джунгары стали носителями тенденций сепаратизма в Калмыцком ханстве.

Во втором параграфе **«Откочевка волжских калмыков в Китай в 1771 г.»** освещены причины, подтолкнувшие калмыцкую знать к побегу, показаны мероприятия, предпринятые оренбургским и астраханским губернаторами, командующим на сибирских линиях по задержанию калмыков, анализируется деятельность казахов Младшего и Среднего жузов во время преследования калмыков.

Откочевка калмыков из России в 1771 г. была вызвана комплексом взаимосвязанных причин социально-экономического и политического характера. Мощным же толчком послужила гибель Джунгарского ханства, с одной стороны, поставившая проблему наследования ойратской государственной традиции в очаге ее возникновения, с другой, – снявшая угрозу подчинения калмыков власти хунтайджи. Калмыки бежали из России не с целью принять цинское подданство, а в надежде образовать самостоятельное и независимое государство на территории бывшей Джунгарии.

Откочевка калмыцких улусов застала врасплох не только российские правительственные органы, но и администрацию на местах. Нескоординированная деятельность оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа и командующего войсками на сибирских линиях С. Станиславского позволила калмыкам уйти от преследования русских войск. Были и объективные причины, обусловившие неудачу русских воинских команд: войска на сибирских линиях были не подготовлены к военным действиям в степи, не была известна топография окрестностей сибирских линий, были плохо осведомлены о маршруте бежавших калмык, главным образом, получая сведения от казахов.

С. Станиславским была предпринята попытка убедить калмыков добровольно возвратиться в Россию. 11 июля 1771 г. он отправил майора Зейферта на озеро Балхаш. Согласно полученной инструкции, Зейферт должен был передать Убаши и калмыцким владельцам «увещевательные письма», обещавшие калмыкам прощение их вины. Прибыв 24 июля на озеро Балхаш, Зейферт от казахов узнал, что калмыки приняты в цинское подданство. Указом Екатерины II от 19 октября 1771 г. Калмыцкое ханство было ликвидировано. А на повестку дня Коллегии иностранных дел и Сената встал вопрос возвращения в Россию ушедших в Китай калмыков.

Мероприятия российского правительства по возвращению перекочевавших в Китай калмыков раскрываются в третьем параграфе **«Вопрос о волжских калмыках в русско-китайских отношениях в конце XVIII в.»**.

29 августа 1771 г. в Селенгинске был получен адресованный Сенату лист из Лифаньюаня, уведомлявший российское правительство о том, что калмыки приняты в китайское подданство. Цинское правительство, обосновывая свое право на калмыков, напоминало Сенату, что в 50-х гг. XVIII в. джунгары, якобы китайские подданные, были приняты под протекцию России. Таким образом, прием в китайское подданство калмыков, по мнению Цинов, не нарушал статью о перебежчиках Кяхтинского договора.

В ответном листе от 9 марта 1772 г. Сенат потребовал выдать калмыков России как ее «природных» подданных. Лифаньюань, в свою очередь, предло-

жил российскому правительству не портить отношений двух государств из-за «нескольких перебежчиков», угрожая использовать калмыков в войне против России. В очередном послании в Лифаньюань Сенат упрекал цинское правительство в нарушении норм международного права того времени и настаивал на выдаче калмыков на основании статьи о перебежчиках Кяхтинского договора. На этом переписка между двумя государствами по вопросу о калмыках, которая свелась лишь к взаимным упрекам и обвинениям, прекратилась.

Начиная с 1772 г. к русским крепостям выходили небольшие группы калмыков, сумевших бежать из Китая. Опасаясь массового бегства калмыков из Синьцзяна, 12 марта 1773 г. император Цяньлун издал указ об усилении постов на границе с Россией. Несмотря на меры, предпринимавшиеся китайским правительством, калмыки на протяжении десятилетий не оставляли попыток возвратиться в Россию. Небольшие группы калмыков выходили к русским крепостям и по указу императрицы Екатерины II от 1 июля 1773 г. отправлялись на Волгу.

В 1790 г. калмыки просили командира сибирских линий Г.Э. Штрандмана содействовать их возвращению в Россию. Штрандман отправил рапорты в Коллегию иностранных дел, которая представила их императрице Екатерине II. 12 декабря 1790 г. на заседании Коллегии иностранных дел была выработана официальная позиция царского правительства по «торгоутскому вопросу», окончательно сформулированная 27 января 1791 г. в именном указе Екатерины II Штрандману «О поселении волжских калмык в Колыванской губернии». Суть указа заключалась в том, чтобы командир сибирских линий после того, как калмыки перейдут границу, оказал им защиту путем посылки воинской команды. Но в то же время подчеркивалось, чтобы никаких неприязненных действий против китайцев не предпринималось.

В именном указе 1797 г. Павла I генералу Штрандману говорилось о важности возвращения в Россию калмыков, однако, отмечалось, что решение данного вопроса не должно помешать развитию русско-китайской торговли. Таким образом, российское правительство действовало в решении «торготуского» во-

проса нерешительно, опасаясь нарушить мирные отношения с Цинской империей, что отразилось бы на русско-китайской торговле. Меры, предпринятые китайским правительством по удержанию новых подданных, не позволили калмыкам организованно покинуть пределы Цинской империи, поэтому в Россию вернулись лишь небольшие группы, которым самостоятельно удалось добраться до русских границ.

В заключении формулируются общие выводы по работе и подводятся итоги исследования.

Во второй половине XVII в. в составе Российского государства было образовано и официально признано царским правительством Калмыцкое ханство, ставшее самым западным монгольским государственным образованием. Пограничное положение и большая подвижность внешних границ ханства позволяли калмыцким правителям проводить достаточно самостоятельную внешнюю политику. На международной арене в первой трети XVIII в. Калмыцкое ханство не только стремилось выступать в качестве самостоятельного субъекта международных отношений, но и было таковым признано, в частности, цинским Китаем. Одним из главных внешнеполитических направлений калмыцкой дипломатии было центральноазиатское, т.е. отношения с Джунгарским ханством и Цинской империей.

В конце XVII века в Центральной Азии сложилась система международных отношений, основными акторами которой были Русское государство, цинский Китай и Джунгарское ханство. Политический климат в регионе определяли взаимоотношения между Джунгарией и Китаем, носившие антагонистический характер: империя Цин видела в своем монгольском соседе силу, способную консолидировать монголоязычный мир в борьбе против маньчжурской династии, а джунгарские правители никогда не отказывались от идеи возрождения единого монгольского государства под эгидой ламаистской церкви. В сложившейся системе международных отношений в Центральной Азии наиболее слабым субъектом в военном отношении была Россия, поскольку из-за активной внешней политики на западном фронте, она не могла иметь достаточного

количества регулярных и нерегулярных войск для обороны Сибири. Но постоянные затяжные войны между Джунгарией и цинским Китаем, обессиливавшие оба государства, уравнивали баланс сил и позволяли системе находиться в относительно устойчивом состоянии. Однако в роли дестабилизирующего фактора центральноазиатской системы международных отношений могло выступить Калмыцкое ханство.

Разрабатывая стратегические планы военных действий против Джунгарского ханства в первой трети XVIII в., Цины планировали использовать установившиеся в 1710 г. дипломатические отношения с Калмыцким ханством в интересах цинской дипломатии. Главная задача, которая ставилась перед дипломатами посольств, отправленных из Пекина в Калмыцкое ханство в 1712, 1729 и 1731 гг., заключалась в том, чтобы втянуть калмыков в войну против Джунгарии и тем самым открыть второй антиджунгарский фронт. Отправляя посольства в Калмыцкое ханство, в Пекине были убеждены в том, что не существовало объективных препятствий, которые могли помешать реализации его плана, поскольку приезжавшие в Поднебесную калмыцкие посольства представляли Калмыцкое ханство как независимое государство, имевшее лишь общую границу с Российской империей. Таким образом, русский фактор как политическая сила, способная воспрепятствовать планам Поднебесной по втягиванию калмыков в джунгаро-цинскую войну, пекинскими дипломатами в расчет не брался. Но именно царское правительство оказало решительное сопротивление действиям цинской дипломатии.

В первой половине XVIII в. Калмыцкое ханство поддерживало в Центральной Азии посольские и дипломатические отношения не только с цинским Китаем, но и с Джунгарским ханством, с которым калмыков связывали родственные связи. Отношения двух ойратских государств не были стабильными: то носили мирный, дружественный характер, то обострялись, но ханства никогда не были в состоянии объявленной войны. Джунгария всегда воспринималась калмыками как историческая и этническая родина, куда они могли возвратиться при крайне неблагоприятном повороте отношений с российским правительством.

вом. Джунгарские правители, с одной стороны, желая воссоединить некогда единый народ, а с другой, перевесить чашу весов в борьбе с цинским Китаем, предпринимали шаги, направленные на то, чтобы калмыки откочевали с Волги в Джунгарию. Воссоединение джунгар и калмыков под эгидой ламаистской церкви поддерживалось и Тибетом, который отслеживал состояние джунгаро-калмыцких отношений. Однако, как показал опыт Санжица, возвращение на этническую родину для калмыков было связано с потерей политического суверенитета, терять который калмыцкая знать была не готова. Таким образом, пока существовало сильное Джунгарское ханство, для калмыков не было реальной возможности возвратиться на родину. Еще одним сдерживающим фактором была Россия, заинтересованная в военной службе калмыков и предпринимавшая меры, направленные на то, чтобы не допустить их откочевки в Джунгарию.

Таким образом, на протяжении первой половины XVIII в. Россия выступала в роли стабилизирующего фактора центральноазиатской системы международных отношений. Русская дипломатия успешно справлялась с задачей не допустить образования джунгаро-калмыцкого или китайско-калмыцкого военно-политического альянса, который привел бы к усилению либо Джунгарии, либо цинского Китая.

В первой половине XVIII в. можно выделить следующие этапы внешнеполитической ориентированности Калмыцкого ханства:

1. До 1701 г. – период политического притяжения между Калмыцким ханством и Джунгарией.

2. 1701–1723 гг. – внешнеполитические симпатии Калмыцкого ханства были устремлены в сторону цинского Китая из-за принятия Цэван-Рабданом в джунгарское подданство калмыков Санжица.

3. 1723–1727 гг. – сближение Джунгарии с Калмыцким ханством, инициированное духовным лидером ламаистского мира далай-ламой.

4. 1729–1733 гг. – тяготение калмыцкой дипломатии к Китаю после разрыва отношений с Джунгарией. Вместе с тем двойственная политика политиче-

ских кругов Калмыцкого ханства во главе с Дарма-Балой в конечном итоге привели к разрыву политических отношений с Цинской империей.

4. 1741–1745 гг. – данный период характеризуется расколом калмыцкой знати по вопросу о внешнеполитической ориентации: Дарма-Бала была склонна к сближению с Джунгарией вплоть до откочевки на историческую родину, политические симпатии наместника ханства Дондук-Даши были устремлены в сторону России.

После гибели Джунгарского ханства мультиполярная система международных отношений в Центральной Азии (Россия – цинский Китай – Джунгария) трансформировалась в скором времени в биполярную (Россия – цинский Китай). Между Российской и Цинской империями развернулась конкуренция за политико-территориальное и экономическое доминирование в регионе.

Одним из проявлений противоборства русской и цинской дипломатий в Центральной Азии стал вопрос о приеме в подданство ойратов разгромленной Джунгарии, в котором царское правительство заняло жесткую позицию. Рассматривая различные проекты расселения принятых в российское подданство джунгар, правительство пришло к заключению, что наиболее оптимальным являлось их переселение в Калмыцкое ханство.

Прибывшие на Волгу джунгары стали носителями тенденций сепаратизма в Калмыцком ханстве, так как стремились к тому, чтобы восстановить прежний политический суверенитет и государственность, а средством достижения желаемой цели могла послужить откочевка на территорию бывшей Джунгарии. Если в первой половине XVIII в. калмыки не могли возвратиться на историческую и этническую родину, не потеряв суверенитета, то гибель Джунгарского ханства сняла угрозу политического подчинения калмыков власти хунтайджи, более того, Калмыцкое ханство могло стать преемником ойратской государственности в очаге ее возникновения.

В 1760-е Калмыцкое ханство переживало политический и социально-экономический кризисы, которые подготовили почву к возвращению калмыков на родину. Мощным же толчком для реализации никогда не умиравшей среди

калмыков идеи возвратиться на историческую родину послужили гибель Джунгарского ханства и надежда занять ее место, немалую роль сыграли и настроения политической элиты принятых в российское подданство джунгар.

Местным властям в лице оренбургского и астраханского губернаторов, командующего на сибирских линиях не удалось остановить бегство калмыков в Джунгарию. Не смогли решить эту задачу и казахи, на которых центральное правительство и местная власть возлагали большие надежды из-за конфликтных, доходивших до военных столкновений калмыко-казахских отношений. Бегство значительной части калмыков дало российским властям формальный повод для ликвидации Калмыцкого ханства (указ Екатерины II от 19 октября 1771 г.).

Пришедшие к границам Китая калмыки поставили цинское правительство перед выбором – наказать торгоутов за прошлые «ошибки» и уничтожить их как потенциальных врагов или простить и принять как желанных подданных. Выбор был сделан в пользу второго варианта. Такой выбор содействовал укреплению геополитических позиций Китая в Центральной Азии и оптимальным образом работал на идею о неизбежном, естественном и благотворном объединении всего монголоязычного мира под властью Цинской империи.

Принятие в цинское подданство калмыков вызвало интенсивную переписку между Лифаньюанем и Сенатом по вопросу возвращения в Россию калмыков, которая не увенчалась успехом для русских властей. Сами калмыки также предпринимали попытки к бегству в Россию, и российское правительство было готово принять их обратно. Однако из-за опасения прекращения выгодной русско-китайской торговли, русские власти действовали нерешительно, не желая осложнять отношения с Цинской империей. Таким образом, лишь незначительной части калмыков удалось вернуться в пределы Российской империи.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журнале из перечня ВАК Федерального агентства по образованию РФ:

1. Ноздрин И.А. К истории возвращения волжских калмыков в Россию: взгляд сквозь века // Известия Алтайского государственного университета. № 4/1. 2007. С. 21–25.

Статьи, тезисы докладов:

2. Ноздрин И.А. Калмыcko-джунгарские отношения на рубеже XVII–XVIII вв.: «Дело Санжипа» // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Материалы Пятой международной научно-практической конференции. Вып. 5. / Под ред. В.С. Бойко. Барнаул: Изд-во «АзБука», 2005. С. 393–397.

3. Ноздрин И.А. К истории побега волжских калмыков из России в Джунгарию в 1771 г. // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. Вторые научные чтения памяти Е.М. Залкинда: Материалы конференции / Под ред. В.А. Моисеева. Барнаул: АзБука, 2005. С. 212–221.

4. Ноздрин И.А. К вопросу о приеме джунгар и алтайцев в российское подданство и их расселении в 50-е годы XVIII в. // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв.: Материалы VI Всероссийской научной конференции. Новосибирск: НГУЭУ, 2006. С. 325–330.

5. Ноздрин И.А. Русско-казахское взаимодействие во время бегства калмыков с Волги в Джунгарию в 1771 г. // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. V. Сборник научных статей. Барнаул: Изд-во «АзБука», 2006. С. 24–36.

6. Ноздрин И.А. О политике сибирских и оренбургских властей к событиям в Джунгарии (50-е гг. XVIII в.): сравнительный анализ // Алтай – Россия: через века в будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства. (16–19 мая 2006 г.). Т. 1. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. С. 121–124.

7. Ноздрин И.А. Русско-китайские отношения в середине XVIII в.: «Дело майора Долгова-Сабурова» // История и культура народов Южной Сибири: история, настоящее, будущее: Материалы чтений, посвященных памяти исследователя народов Сибири Л.П. Потапова. Горно-Алтайск. 18–20 сентября 2006 г. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. С. 118–122.

8. Ноздрин И.А. Вопрос о джунгарских и алтайских беженцах в русско-китайских отношениях в середине 50-х – начале 60-х гг. XVIII в. // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского госуниверситета, 2006. С. 140–144.

9. Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения / Сост. В.А. Моисеев, И.А. Ноздрин, Р.А. Кушнерик. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.

10. Ноздрин И.А. Калмыцкий фактор в джунгаро-китайских отношениях в начале XVIII в. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений. Третьи научные чтения памяти Е.М. Залкинда: Материалы международной конференции 18 мая 2007 г. / Под общ. ред. В.А. Моисеева. Барнаул: Аз Бука, 2007. С. 78–84.